

Научная статья
УДК 340.154
DOI: 10.37973/KUI.2022.49.47.002

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЦЕНЗУРЫ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Руфия Хазибовна Галиуллина
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
rufyagal@mail.ru

Аннотация

Введение: в России XVIII века процесс отделения светской цензуры от церковной привел к ее институализации в начале XIX века. Изданию устава о цензуре 1804 года предшествовала серия актов верховной власти, мнений должностных лиц и судебных решений по делам о печати. Разобраться в причинах противоречивой, но поступательно продвигавшейся политики верховной власти от разрозненных актов к уставу о цензуре предстоит в данной статье.

Материалы и методы: исследование проведено на основе опубликованных императорских указов, неопубликованных архивных документов Московского цензурного комитета второй половины XVIII – начала XIX века, научных работ правоведов и историков. Основными методами исследования, использованными при написании работы, стали формально-юридический, историко-правовой методы, а также метод социальной антропологии.

Результаты исследования: издание актов о цензуре в исследуемый период не было результатом поступательной реакционно-охранительной политики, а проходило в контексте отделения «светской» (общегражданской) цензуры от религиозной, стало реакцией на революционные события в Европе, негативную цензурную практику, заключавшуюся в некомпетентном цензурном усмотрении.

Обсуждение и заключения: к началу XIX века поиск результативных форм цензурной политики второй половины XVIII века завершился изданием устава о цензуре 1804 года и созданием при императорских университетах цензурных комитетов. Профессорам университетам была доверена цензура вплоть до либеральных реформ середины XIX века.

© Галиуллина Р.Х., 2022

Ключевые слова: Россия, абсолютизм, просвещенная монархия, цензура, указы, дела о печати, полиция, Академия наук, университеты

Для цитирования: Галиуллина Р.Х. Регламентация цензуры в России (вторая половина XVIII – начало XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 15-24. DOI: 10.37973/KUI.2022.49.47.002

Scientific article
UDC 340.154
DOI: 10.37973/KUI.2022.49.47.002

REGULATION OF CENSORSHIP IN RUSSIA (SECOND HALF OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURY)

Rufya Hazibovna Galiullina
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan, Russia,
rufyagal@mail.ru

Abstract

Introduction: in 18th century Russia, the separation of secular censorship from church censorship led to its institutionalization at the beginning of the XIX century. A series of acts of the supreme power, opinions of officials and court decisions in matters of the press preceded the publication of the 1804 Censorship Charter. To understand the reasons for the contradictory, but progressively advancing policy of the supreme power from scattered acts to the charter on censorship is to be done in this article.

Materials and Methods: the study was carried out on the basis of published imperial decrees, unpublished archival documents of the Moscow Censorship Committee of the second half of the XVIII – early XIX centuries, scientific works of lawyers and historians. The main research methods used in writing the work were: formal legal, historical and legal methods, the method of social anthropology.

Results: the publication of acts on censorship during the period under study was not the result of a progressive reactionary-protective policy, but took place in the context of the separation of “secular” (general civil) censorship from religious, a reaction to revolutionary events in Europe, negative censorship practice, which consisted in incompetent censorship discretion.

Discussion and Conclusions: by the beginning of the 19th century, the search for effective forms of censorship policy in the second half of the 18th century ended with the publication of the censorship charter of 1804 and the creation of censorship committees at the imperial universities. University professors were entrusted with censorship until the liberal reforms of the mid-nineteenth century.

© Галиуллина Р.Х., 2022

Key words: Russia, absolutism, enlightened monarchy, censorship, decrees, press cases, police, Academy of Sciences, universities

For citation: Galiullina R.H. Regulation of Censorship in Russia (Second Half of the XVIII – Early XIX Century) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2022. Vol. 13, No. 1 (47). P. 15-24. DOI: 10.37973/KUI.2022.49.47.002

Введение

Цензура в России традиционно рассматривается общественными науками как значимый факт государственной жизни и как социально-культурное явление периода абсолютизма и просвещенной монархии. Для нее характерны схожие закономерности развития, которые претерпевали подобные институции в монархиях Западной Европы: появлению светской цензуры предшествовала церковная цензура. Окончательное оформление светской цензуры происходит в период просвещенной монархии путем привлечения к экспертизе текстов чиновников управ благочиния, а также вовлечения ученых (академиков и профессоров) в создаваемые цензурные комитеты. В России этот период пришелся на вторую половину XVIII века – начало XIX века – тогда было дано идеологическое обоснование создания самостоятельной светской цензуры и произошло оформление ее правовых основ. В 1804 году были изданы уставы университетов и устав о цензуре, согласно которым цензурные комитеты были созданы при императорских университетах. Выяснению особенностей институализации светской цензуры в России посредством издания законодательных актов второй половины XVIII века – начале XIX века посвящена предлагаемая статья.

Материалы и методы

Основной массив исследуемых документов представлен двумя группами: опубликованными актами верховной власти в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ); неопубликованными архивными документами Центрального государственного архива Москвы (далее – ЦГАМ), где сохранились наиболее ранние свидетельства о цензурной деятельности

Московского университета. Поскольку предметом исследования явилось законодательство о цензуре в его историко-правовом и культурологическом аспектах, то были применены общенаучные методы (анализ, синтез), юридические методы (формально-логический, дедукция), историко-правовые (компаративный метод и метод историко-социальной антропологии).

Обзор литературы

Изучению законодательных актов второй половины XVIII – начала XIX века, регламентирующих цензуру, уделялось и уделяется достаточное внимание со стороны историков и правоведов, как правило, государствоведов (Р.И. Бурлакова [1], И.Г. Горбачев и В.И. Печников [2], Т.Л. Полусмак [3], М.А. Пшеничная [4]) и тех, кто занимался историей развития книгопечатания и художественной литературы (А.В. Блюм [5], М.К. Лемке [6], В.А. Розенберг и В.Е. Якушкин [7], А.М. Скабичевский [8], М.И. Сухомлинов [9], Н.А. Энгельгардт [11]). Сложилось два основных подхода к изучению темы. Первый – позитивистский, в рамках которого сформировалось устойчивое мнение, что издание актов о цензуре проходило в контексте усиление абсолютизма и способствовало установлению полицейского контроля над общественной мыслью (К.К. Арсеньев [11], М.Т. Чолдин [12], Т.Л. Полусмак [3], М.А. Пшеничная [4]). Второй – постмодернистский, согласно которому становление цензуры – сложный, противоречивый процесс, но, наряду с политическим заказом, цензура выполняла иные утилитарные задачи: распространение грамотности, «полезной» информации, стимулирование интереса к научным знаниям, привитие литературного вкуса Е.А. Агапова [13], Р. Дартон [14], П.С. Рейфман [15].

Результаты исследования

Прототипом светской цензуры считается церковная цензура. Исследователи связывают официальное появление церковной цензуры с эдиктом 1471 года Папы римского Сикста IV. Цензурой называлась *sensura graevia* (лат.) - предварительная проверка рукописей в форме контроля за наличием в ней недопустимых еретических изречений, религиозного вольнодумства. *Sensura graevia* как способ выявления и подавления религиозной оппозиции, отдельных еретиков продемонстрировал свою эффективность, духовная цензура расширяла границы своего влияния и была заимствована светской властью. Исследователи цензуры отмечают, что в течение XVI столетия цензура была введена во всех западноевропейских государствах [15, с.21]. Не явилось исключением складывающееся Российское государство. Первые ограничительные меры и карательные функции церковной и светской власти в отношении слова, как устного, так и печатного, прослеживаются еще в Судебнике 1550 года и Соборном Уложении 1649 года: было установлено право церкви и великого князя (царя) карать за всякого рода возведения «хулы» на священство и самодержавную власть. Интересным представляется наблюдение П.С. Рейфмана: попытки российских властей поставить под контроль как рукописи, подаваемые в печать, так и опубликованные книги обнаружались особенно ярко при развитии книгопечатания. Появление первых типографий – в 1563 году в Москве Ивана Федорова и Петра Мстиславца при Иване IV, в 1700 в Москве Яна Тесинга при Петре I – повлекло за собой появление предварительной и карательной цензуры [15, с. 19, 26].

Становление светской цензуры в России происходило в культурно-историческом контексте эпохи Просвещения второй половины XVIII века – первой половины XIX века. По мнению ряда исследователей, институализация цензуры в России реализована в начале XIX века и тесно связана с изданием первого цензурного устава 21 июня 1804 года [1, 4]. Такое утверждение упускает из виду обстоятельства. Во-первых, первые законодательные акты, отделившие светскую цензуру от церковной, относятся к XVIII веку. Так, указ Петра I, подтвержденный сенатским указом от 5 октября 1720 года, запрещал выпуск любых книг, в том числе и церковных, без предварительно-

го рассмотрения и одобрения специальной Духовной коллегии [15, с. 21]¹. Во-вторых, первые шаги, направленные на организацию управления цензуры, были сделаны в XVIII веке. Устав Академии наук 1847 года гласил: «Никакая книга в печать отдана быть не может, пока вся не прочитана в собрании пред всеми академиками»². Тогда были определены (Синод, Академия наук, таможенные управы, управы благочиния) или вновь учреждены органы (цензурные комитеты), на которые возлагалась обязанность проверки рукописей и ввозимых в Россию печатных книг [16].

Взаимосвязь между реализацией идеологии просвещенной монархии и цензурой опосредована потребностью в развитии просвещения и необходимостью книгопечатания – составной части попечения верховного правителя науки и образования. Екатерина II позиционировала себя как просвещенная монархиня: ей принадлежит ряд утверждений, имеющий либеральный характер: «Слова не составляют вещи, подлежащей преступлению» (ст. 482)³. Но как всякое «благое дело», книгопечатание могло обернуться для «благодетелей» злом, поэтому, наряду с либеральными идеями, присутствовали охранительные и ограничительные меры.

Так, в сентябре 1763 года указом Екатерина II подтвердила полномочия Академии наук и академической конференции на предварительную цензуру. Кроме того, цензорскими полномочиями наделялись в Москве – Московский университет, в губерниях – училища, а в отсутствие оных – градоначальники. Академия наук, Московский университет и иные «компетентные места и должностные лица» обязывались отбирать «такие книги, которые против закона, доброго нрава и Нас», управам благочиния полагалось подобную литературу конфисковать, а книжную лавку закрыть⁴.

Прорывом в становлении издательского дела стал указ от 15 января 1783 года «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках, с освидетельствованием оных в управе благочиния»⁵. Управам благочиния – полицейским участкам повелевалось «типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий». Разрешалось печатать книги на русском и иностранных языках, «не исключая и Вос-

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 4. №. 1753.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 12. №. 9425.

³ [Екатерина II (имп.)]. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Изд. Академии наук, 1907. С.131 – 132.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 15. №11553.

⁵ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 21. №15634.

точных». Уведомительный порядок открытия типографий в губернских и уездных городах России рассматривался как либеральная мера: достаточно было поставить в известность управу благочиния. Полицейские были уполномочены «конфисковывать» тираж и наказывать «виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг».

В 1786 году была проведена попытка реорганизации цензурного аппарата, которая выразилась в закреплении за рядом должностных лиц цензорских полномочий. Цензура вручалась коллегии из двух лиц: светского и духовного. Гражданский и духовный цензоры обязывались друг за другом прочитывать предоставленные рукописи: если текст не содержал ничего противного государственному строю и православной вере, то содержателям типографий выдавался «билет» с указанием имени автора, владельца типографии, цензоров, названия книги и официальным разрешением на публикацию. В Москве общей гражданской цензурой стал ведавший полицмейстер П.П. Годейн, а духовной – префект Московской академии игумен Моисей. Таким образом, создавалась довольно простая и эффективная система учета и контроля за издательствами: есть билет, следовательно, рукопись прошла рецензирование и у автора, соответственно, и у владельца типографии есть право на публикацию.

События Великой французской революции 1789 года внесли коррективы в регламентацию цензурной деятельности. Компетенция управ благочиния была уточнена указом от 15 мая 1790 года: отныне управы благочиния осуществляли общий контроль за деятельностью частных типографий; занимались цензурой рукописей, поданных на публикацию; могли приглашать сторонних цензоров для экспертизы текстов. С цензорскими полномочиями на управу была возложена ответственность за пропуск «непозволительных мест», «крамольной» рукописи.

Тем не менее цензурный контроль не был тотальным, всеобъемлющим и эффективным. Исследователи отмечали некомпетентность и отсутствие координации действий церковной цензуры, управ благочиния, цензуры Московского университета, Академии наук. Исследователь А.М. Скабичевский отмечал, что при Екатерине II многие рукописи, переводы издавались, минуя цензуру [8, с. 38]. В.П. Семенников упоминал случай с сожжением тиража трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский», опубликованной в 1793 году в типографии Академии наук. Рукопись не прошла предварительную цензуру на том основании,

что в связи с его публикацией в академической типографии на него была распространена академическая привилегия освобождения от цензуры, которую получали труды академиков. После казуса с трагедией Я.Б. Княжнина были введены цензурные ограничения: произведения частных авторов, публикуемые в типографии Академии, должны были проходить предварительную экспертизу в управах благочиния [17, с. 1].

По мнению А.М. Скабичевского и П.С. Рейфмана, прологом к сворачиванию относительно либерального цензурного режима Екатерины II стал скандал вокруг книгопечатной деятельности Н.И. Новикова [8, с. 46-47, 15, с. 40]. Новиков арендовал типографию Московского университета. Его периодическое издание «Московские ведомости» пользовалось популярностью, книгоиздатель дополнительно издавал «Прибавления к “Московским ведомостям”». В выпусках № 69-71 за 1784 год он разместил перевод статьи «История Ордена иезуитов» оскорбительного характера для читателей католического вероисповедания, которые обратились за защитой религиозных чувств к Екатерине II. Императрица распорядилась, «чтоб история та не токмо запрещена была, но и экземпляры отобраны были» [18, с. 90-97]. Примечательно, что именным указом от 23 декабря 1785 года было дано предписание губернатору Я.А. Брюсу: экспертизу книг, найденных в типографии Новикова, поручить цензорам из числа светских лиц – профессору Московского университета А.А. Барсову и полицмейстеру П.П. Годейну, а освидетельствование провинившегося Новикова на предмет принадлежности к расколу – архиепископу Платону [19, с. 259-260].

К марту духовная цензура вынесла окончательное суждение о конфискованных книгах. Условно их разделили на три группы: «1) Книги собственно литературные [...] для образования публики [...]. 2) Книги мистические, которых Архиепископ “не понимает” [...]. 3) Книги зловерные, [...] подрывающие религиозные чувства, “гнусные и юродивые порождения энциклопедистов”, которые “следует исторгать, как пагубные плевелы”» [19, с. 262]. Екатерина II, которая считала себя приверженцем идей Монтескье и Дидро, обратила свое монаршее негодование на вторую группу книг. Губернатору было дано указание конфисковать тираж всех шести книг и сжечь, а Новикову и другим издателям запрещалась публикация книг такого рода под страхом лишения права содержать типографии¹.

Через год – 27 июля 1787 года – был подписан именным Указ Синоду «О недозволении светским

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 22. СПб., 1830. №16362.

типографиям и книжным лавкам продавать молитвенники, не от Синода изданные, также книги церковные [...]». Частным типографиям запрещалось публиковать церковные книги (а это являлось делом весьма доходным), подчеркивалось, что «свобода [...] на печатание книг [...] простирается [...] на книги светские, к пользе общественной служащие»¹.

Дело Новикова 1786 года показательным тем, что оно демонстрирует, как под влиянием цензурной практики вносились коррективы в действующее законодательство, определялись границы между светской и церковной издательской деятельностью и границы эти устанавливались по усмотрению светской власти.

Между тем теперь уже в самой северной столице разгорелся очередной цензурный скандал, на этот раз с допущенной к публикации Санкт-Петербургской управой благочиния острой социальной критикой А.Н. Радищева, отраженной в сочинениях «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске» и «Путешествие из Петербурга в Москву»².

В 1788 году автор через знакомого таможенного надсмотрщика Иоганна Мейснера передал рукописи в цензуру Санкт-Петербургской управы благочиния. Цензоры в «путевых заметках» Радищева не заметили ничего предосудительного. Порядок цензуры представленных рукописей, реализация тиража были осуществлены без нарушения действующего законодательства. Не исключено, что они не читали рукопись вовсе. Тем не менее разрешение к публикации было получено, его Радищев понял превратно, решив опубликовать рукопись самостоятельно, не обращаясь в типографию, используя купленный печатный станок. В середине 1790 года тираж вышел в свет. Екатерина II, ознакомившись с сочинениями, была крайне удивлена факту допуска рукописи в печать, называя «оплошностью» [8, с. 58]. Началось дознание. Оставаясь на свободе, Радищев сжег оставшуюся часть тиража, сжег корректуру и цензурные гранки. Теперь действия автора и публикатора выглядели подозрительными и доказать следствию, что опубликованная рукопись соответствовала допущенному цензурой варианту, он не смог.

30 июня 1790 года Радищев был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, через неделю, 6 июля, написал повинную, в которой при-

знал свою книгу «вредной», сожалел, что выпустил ее [8, с. 59]. 4 сентября 1790 года Екатерина II подписала именным указом о наказании Радищева за издание книги, которая наполнена «вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение», что автор совершил «лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу»³. Государыня проявила милосердие, смертная казнь была заменена Радищеву лишением всех дворянских прав и достоинств и ссылкой в Сибирь сроком на 10 лет.

В то время как «дело Радищева» продолжало оставаться резонансным, Екатериной II был инициирован процесс над Н.Н. Новиковым, который опубликовал сочинение старообрядческого содержания «История о страдальцах соловецких...» (1788 год)⁴. 1 мая 1792 года Екатерина II направила московскому губернатору генералу А.А. Прозоровскому поручение проверить, издано ли оно в обход установленного указом запрета от 27 июля 1787 года. Полицейские провели обыски в подмосковном имении Новикова, в Москве. Были обнаружены 20 запрещенных и тайно продававшихся книг, 48 книг, напечатанных без цензурного одобрения. Приказчик книгоиздателя Н.Н. Кольчугин, торговцы признались, что регулярно получали от Новикова книги на продажу [19, с. 314-315]. Суд над Новиковым в Москве не состоялся, дело было передано обер-секретарю Тайной экспедиции Сената С.И. Шешковскому, а подследственный был тайно перевезен в Шлиссельбургскую крепость – делу был придан статус государственной измены. Однако обвинить Новикова в государственной измене и богохульстве не удалось. 1 августа 1792 года поступил личный приказ императрицы о заточении Н.Н. Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость [19, с. 335-336].

В то же время в Москве продолжались следственные действия в отношении приказчика Кольчугина и торговцев. По верному замечанию М.А. Скабичевского, «закона, налагающего наказание за торговлю запрещенными книгами [...], еще не существовало» [8, с. 54]. Приговор, в соответствии с которым соучастники были приговорены к битью кнутом и «вырыванию ноздрей», был вынесен на основании Указа от 9 февраля 1720 года «О наказании за преступление против опубликованных указов» и Морским уставом. В августе

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 22. СПб., 1830. №16556.

² Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву: факсимильное издание. М.: Госзнак, 1925; О нем: Сухомлинов М.И. А.Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 453 с.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т.23. №16901.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т.23. №16901. Текст указа был опубликован в приложении исследования М.Н. Лонгинова (Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 071-072). Историки цензуры, анализируя дело Н.Н. Новикова 1792 года, доверяют этой публикации. См.: Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 313-314; Скабичевский М.А. Указ. соч. С.51; Рейфман П.С. Указ. соч. С. 44.

1793 года губернатор А.А. Прозоровский лично ходатайствовал перед императрицей о смягчении наказания. Только спустя три года – 2 июля 1796 года – Екатерина II помиловала осужденных [8, с. 55].

Процесс над Новиковым и еще над 11 соучастниками реализации запрещенных книг показателен во многих отношениях: во-первых, это был первый в России процесс по делам печати; во-вторых, процесс носил форму устрашения, а вынесенный приговор имел превентивную цель: заставить авторов, издателей, торговцев под страхом уголовного преследования и наказания не нарушать цензурные установления. Позиция Екатерины II была однозначной: тайные книгопечатники преследовались законом.

В контексте описываемых событий вполне логичным представляется издание новых цензурных указов, издание которых проходило на фоне событий Великой французской революции 1789 года.

16 сентября 1796 года последовал новый указ Екатерины II «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец ценсур в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской таможене, и об упразднении частных типографий»¹. После 13-летнего режима действия «Жалованной грамоты печати» (от 15 января 1783 года) в России вновь вводились ограничения. Указом уточнялась организационная структура цензуры: цензурные комитеты вводились не повсеместно, а только в пяти городах, где оборот печатной продукции (как российской, так и иностранной) был значительным: в обеих столицах (Санкт-Петербурге и Москве), двух крупных портовых городах (Риге и Одессе) и Радзивилловской таможене. Определен состав цензурных комитетов: из «одной духовной и двух светских особ», подотчетных «губернскому начальству». В цензурные комитеты стали привлекаться профессора университетов: В Московский цензурный комитет были определены: профессора Московского университета – И.А. Гейм и А.А. Прокоповский-Антонский, некий Дмитрий Строгонов и иеромонах Владимир [30, л. 42, 58, 60, 61]². Ожидаемым было бы издание цензурного устава, но вскоре императрица умерла, а ее преемник Павел I озаботился пересмотром основ ее политики.

Традиционно исследователи рассматривают непродолжительное правление Павла I как период ужесточения цензурной политики [20, с. 462]. Тем не менее законодательные акты, утвержденные Павлом I, демонстрируют продолжение вектора политики Екатерины II, направленной на организационное оформление цензуры и создание цензурных плотин от западных «революционных идей». Так, утвержденный императором доклад Сената «О книжной цензуре» от 16 сентября 1796 года возлагал на III департамент Сената контроль за ведением цензурных дел Академией наук³. На вновь восстановленный Павлом I Совет императорского величества была возложена функция верховного цензурного контроля, означавшая, что император может лично цензурировать рукописи и книги, запрещать или разрешать их опубликование [21, с. 111-388].

Оптимизируется организация контроля над публикацией сочинений «отечественной словесности» в столицах. И здесь преимущество было отдано «Северной Пальмире». Указом от 17 апреля 1800 года Санкт-Петербургскому цензурному комитету были переданы полномочия ведущего экспертного органа – без его разрешения публиковать рукописи, одобренные общегражданской цензурой, было запрещено⁴. Цензурный комитет Московского университета рассматривался как дополнительный, вспомогательный. Это вызвало недовольство ученого сословия и куратора Московского университета. Показательной стала история цензурирования приложений еженедельного издания «Московские ведомости»: еженедельных листков «Иппокрены» и ежесемейного «Политического журнала». Указом Павла I ей была уготована двойная проверка: сначала через цензуру Московского, а затем Санкт-Петербургского комитетов, что повлекло бы волокиту и утрату заинтересованности публики в подписке на издания, соответственно, стать причиной закрытия изданий, – о чем сообщал ректор университета Иван Тургенев [35, л. 4]⁵. Актами о цензуре ущемлялась университетская автономия. В августе 1800 года интерес Московского университета «по правам и привилегиям» был вынужден лоббировать его куратор М.М. Херасков перед генерал-прокурором П.Х. Обольяниновым [35, л. 6]⁶. Аргументы Хераскова П.Х. Обольянинову возымели свое действие. 27 сентября 1800

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 23. № 17508.

² ЦГАМ. 31. Оп. 1. Д. 46. 1798. Л. 42, 58, 60, 61.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 24. № 17811.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. СПб., 1830. №19386.

⁵ ЦГАМ. Ф.31. Оп. 1. Д. 104. 1800. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

года И. Тургенев с радостью сообщал московской цензуре об успешности хлопот, предпринятых им и куратором Херасковым, «о бытии внутренней цензуры университета все зависимой от Санкт-Петербургской цензуры»¹.

При Павле I была осуществлена попытка выстроить систему цензурного контроля на границах путем организации своеобразных «цензурных плотин» в морских портах. Указом от 17 мая 1798 года в каждом порту должна была быть учреждена цензура из одного – двух цензоров². Практика первого года показала, что ни надобности, ни возможности учреждения цензурного комитета в каждом порту не оказалось: только через год 16 апреля 1799 года в Архангельске, Выборге, Крондштаде, Ревеле и Фридрихсгаме³ и чуть позже в Вильно⁴, были учреждены цензурные комитеты. Ввоз иностранной литературы через остальные порты запрещался.

Сложно не согласиться с мнением большинства исследователей цензуры о том, что при Павле I наблюдался огульный запрет «на все иностранное»: первоначально запрету подлежала литература, имеющая революционный год издания [20, с. 462], затем произведения конкретных авторов, преимущественно французских просветителей [22, с. 69]. Апофеозом стал запрет иностранных романов, «пиеес», произведений живописи и графики, «нот» музыкальных произведений – «вплоть до указа» (указ от 18 апреля 1800 года)⁵. Непонимание, ропот, а затем и протесты стали распространяться среди главного потребителя печатной продукции – дворянства, а затем среди заказчиков, книготорговцев.

Цензурная политика Павла I рассматривается исследователями как одна из причин дворцового переворота 1 марта 1801 года (П.С. Райфман, Г.К. Репинский, М.А. Скабичевский). Насколько острым был вопрос о направлении и содержании цензурной политики при преемнике Павла I, свидетельствует подготовленное в течение первого месяца правления Александра I генерал-прокурором А.А. Бекетовым «Наставление цензурам»⁶ должностное их определяющее, сообразно переме-

нившимся обстоятельствам и соответственно намерению Его императорского величества и простираемому о пользе подданных и попечению в указе от 31 марта сего года изображенном». «Наставления» или «Инструкции» не были опубликованы ни тогда, ни позже – в Полном собрании законов Российской империи и (или) Сборнике постановлений и распоряжений по цензуре⁶. «Наставления» стали известны узкому кругу лиц, занятых цензурой. В чем состояло содержание этих требований?

Во-первых, большинство цензурных ограничений опосредованных распространением идей французского просвещения отменены. Во-вторых, подробно регламентировалась подведомственность созданных при Екатерине II и Павле I цензур. В-третьих, каждая из цензур обязывалась извещать «все другие об одобренных ею к напечатанию, или возвращенных без одобрения с кратким показанием причин, для коих последняя не дозволена», в связи с этим вводилась обязательная форма отчетности⁷. В-четвертых, уделялось внимание не только запрету «вольномыслия» и «противозаконных умыслов», но и общей культуре речи. Наконец, впервые ограничивался произвол цензорского усмотрения: цензуры призывались «единообразно и соответственно постановленным правилам должность свою наблюдать, не стесняя распространения полезных сочинений [...]»⁸.

«Наставления цензорам» генерал-прокурора Бекетова от 31 марта 1801 года – подзаконный нормативный акт, составленный по поручению Александра I, означал поворот в цензурной политике. «Наставления» не подлежали широкой огласке, но были обязательны к исполнению. Их апробация показала чрезвычайно эффективной, и уже в последующие два года были изданы акты верховной власти, которые исходили из принципов, установленных наставлениями.

Обсуждение и заключения

В процессе практик цензурного контроля России в XVI – первой половине XVIII века, когда продолжала действовать церковная цензура, по-

¹ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 104. Л. 5.

² ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 25. № 18524.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 25. № 18939.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 25. № 19010.

⁵ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. СПб., 1830. № 19387.

⁶ Полный текст см.: ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 106. 1801. Л. 3-4об.

⁷ Более подробно о документообороте цензурных комитетов см.: Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX в.: формы, комплектация и организация хранения. История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 224-243.

⁸ Более подробно см. Галиуллина Р.Х. Поворот в цензурной политике России – тайны архивных документов («Наставление цензурам» генерал-прокурора А.А. Бекетова, 31 марта 1801 года) // Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики. Пятое юридическое чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 3 июня 2017 года. Казань: КЮИ МВД России, 2017. С. 50-54.

лучила оформление и стала действовать светская цензура. Окончательное ее оформление состоялось во второй половине XVIII века, когда в России наблюдался типографский бум – открытие новых типографий; основание периодических изданий и распространение моды на чтение. Именно в этот период были введены новые практики контроля: аутентичного чтения, интерпретации авторского текста экспертами от цензуры, вынесение решения о разрешении к публикации или, напротив, ее запрета. Практика цензурирования посредством привлечения церковнослужителей, чиновников управ благочиния, людей науки (академиков и профессоров) была сложной и двусмысленной, так как строилась на усмотрении экспертов, которые руководствовались личным восприятием запретов и ограничений разрозненных императорских указов, часто меняющихся

под влиянием внешних событий и скандалов по делам печати. Осуществление справедливой и однообразной цензурной практики требовало, с одной стороны, четкой законодательной регламентации, с другой – создания устойчивого и однообразного правоприменения компетентными лицами. Это понимали и по-своему пытались реализовать Екатерина II, Павел I, но к реализации смог подойти Александр I не без содействия близких ему сановников, в частности генерал-прокурора А.А. Бекетова. Таким образом, прологом к уставу о цензуре 1804 года стала законодательная и правоприменительная практика о цензуре Екатерины II и Павла I. Отныне светская цензура получила название «общегражданской» и была поручена профессорам цензурных комитетов при университетах – наиболее образованной и передовой части общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в 18 – начале 20 века: дис. ... канд.юрид. наук: 12.00.01. М., 2004. 208 с.
2. Горбачев И.Г., Печников В.И. Институт цензуры в российском законодательстве 16-19 вв.: историко-правовое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 228 с.
3. Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России.: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2003. 194 с.
4. Пшеничная М.А. Государственная политика в области цензуры в XIX – в начале XX веков: дис. ... канд.ист.наук: 07.00.02. Ставрополь, 2002. 205 с.
5. Блюм А.В. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790 – 1990. Опыт комментированной антологии / сост. А.В. Блюм. СПб.: Полиграф, 2011. 608 с.
6. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: Тип. С.-Петербург. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1904. 427 с.
7. Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1905. 255 с.
8. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700 – 1863). СПб.: Тип-фия Ф. Павленкова, 1892. 495 с.
9. Сухомлинов М.И. Очерки истории русской цензуры (1700 – 1863). СПб.: Тип-фия Ф. Павленкова, 1892. 395 с.
10. Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703-1903). СПб.: Тип-фия А.С. Суворина, 1904. 388 с.
11. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Типолитограф. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. 264 с.
12. Чолдин М.Т. Империя за забором. История цензуры в царской России / пер. с англ. М. Галушкиной. М.: Рудомина. 2002. 310 с.
13. Агапова Е.А. Цензура как способ манипуляции сознанием: диахронический аспект. М.: Социально-гуманитарные знания, 2012. 256 с.
14. Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу / пер. с англ. М. Солнцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 384 с.
15. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: [в 2-х т.] / под ред. Г. Г. Суперфина; пред. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: Пробел-2000, 2014. Т. 1. Вып. 1. 232 с.
16. Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755 – 1764 годов: сборник статей. СПб.: Тип-фия Академии наук, 1867. 90 с.
17. Семенников В.П. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. СПб.: Сириус, 1913. 20 с.

18. Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским ведомостям» (1783 – 1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н.И. Новикову, И.Г. Шварцу и Ф.В. Каржавину. Харьков, 2010.
19. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты: исследов. М.Н. Лонгинова; с приложениями. М.: Тип-фия Грачева, 1867. 384 с.
20. Репинский Г.К. Цензура при императоре Павле I. 1797 – 1799 // Русская старина. 1875. Т. 14. С. 454 – 469.
21. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711 – 1911: [в 5 т.]. СПб.: Тип-фия Правит. Сената, 1911. Т. 2: 860 с.
22. Бодибрух А.Г. Цензурные органы России в XVIII веке // Правовые идеи и государственные учреждения: межвузовский сборник. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1990. С. 67 – 75.
23. Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX в.: формы, комплектация и организация хранения. История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С.224 – 243.
24. Галиуллина Р.Х. Поворот в цензурной политике России - тайны архивных документов («Наставление цензурам» генерал-прокурора А.А. Бекетова, 31 марта 1801 года) // Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики. Пятые юридические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 3 июня 2017 года. Казань: КЮИ МВД России, 2017. С. 50 – 54.

REFERENCES

1. Burlakova R.I. Pravovoe regulirovanie cenzury pechati v Rossii v 18 – nachale 20 veka: dis. ... kand.yurid. nauk: 12.00.01. M., 2004. 208 s.
2. Gorbachev I.G., Pechnikov V.I. Institut cenzury v rossijskom zakonodatel'stve 16-19 vv.: istoriko-pravovoe issledovanie. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2004. 228 s.
3. Polusmak T.L. Cenzurnoe zakonodatel'stvo dorevolucionnoj Rossii.: dis. ... kand.yurid.nauk: 12.00.01. N. Novgorod, 2003. 194 s.
4. Pshenichnaya M.A. Gosudarstvennaya politika v oblasti cenzury v XIX – v nachale XX vekov: dis. ... kand.ist.nauk: 07.00.02. Stavropol', 2002. 205 s.
5. Blyum A.V. Russkie pisateli o cenzure i cenzorah. Ot Radishcheva do nashih dnei: 1790-1990. Opyt kommentirovannoj antologii / sost. A.V. Blyum. SPb.: Poligraf, 2011. 608 s.
6. Lemke M.K. Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya. SPb.: Tip. S.-Peterb. t-va pech. i izd. dela «Trud», 1904. 427 s.
7. Rozenberg V.A., YAKushkin V.E. Russkaya pechat' i cenzura v proshlom i nastoyashchem. M.: Izd-vo M. i S. Sabashnikovyh, 1905. 255 s.
8. Skabichevskij A.M. Ocherki istorii russkoj cenzury (1700-1863). SPb.: Tip-fiya F. Pavlenkova, 1892. 495 s.
9. Suhomlinov M.I. Ocherki istorii russkoj cenzury (1700-1863). SPb.: Tip-fiya F. Pavlenkova, 1892. 395 s.
10. Engel'gardt N.A. Ocherk istorii russkoj cenzury v svyazi s razvitiem pechati (1703-1903). SPb.: Tip-fiya A.S. Suvorina, 1904. 388 s.
11. Arsen'ev K.K. Zakonodatel'stvo o pechati. SPb.: Tipolitogr. F. Vajsberga i P. Gershunina, 1903. 264 s.
12. CHoldin M.T. Imperiya za zaborom. Istoriya cenzury v carskoj Rossii / per. s angl. M. Galushkinoj. M.: Rudomina. 2002. 310 s.
13. Agapova E.A. Cenzura kak sposob manipul'yacii soznaniem: diahronicheskiy aspekt. M.: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2012. 256 s.
14. Darnton R. Cenzory za rabotoj. Kak gosudarstvo formiruet literaturu / per. s angl. M. Solncevoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 384 s.
15. Rejfmán P.S. Cenzura v dorevolucionnoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii: [v 2-h t.] / pod red. G. G. Superfina; pred. I. A. Pil'shchikova i V. S. Parsamova. M.: Probel-2000, 2014. T. 1. Vyp. 1. 232 s.
16. Pekarskij P.P. Redaktor, sotrudniki i cenzura v russkom zhurnale 1755-1764 godov: sbornik statej. SPb.: Tip-fiya Akademii nauk, 1867. 90 s.
17. Semennikov V.P. K istorii cenzury v Ekaterininskuyu epohu. SPb.: Sirius, 1913. 20 s.
18. Simankov V. I. Iz razyskanij o zhurnale «Pribavlenie k Moskovskim" vedomostyam"» (1783–1784) ili ob avtorstve sochinenij, pripisyvavshihsyá N. I. Novikovu, I. G. SHvarcu i F. V. Karzhavinu. Har'kov, 2010.
19. Longinov M.N. Novikov i moskovskie martinisty: issledov. M.N. Longinova; s prilozheniyami. M.: Tip-fiya Gracheva, 1867. 384 s.

20. Repinskij G.K. Cenzura pri imperatore Pavle I. 1797 – 1799 // Russkaya starina. 1875. T. 14. S.454 – 469.
21. Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711 – 1911: [v 5 t.]. SPb.: Tip-fiya Pravit. Senata, 1911. T. 2: 860 s.
22. Bodebruch A.G. Cenzurnye organy Rossii v XVIII veke // Pravovye idei i gosudarstvennye uchrezhdeniya: mezhvuzovskij sbornik. Sverdlovsk: Sverdl. jurid. in-t, 1990. S. 67 – 75.
23. Galiullina R.H. Dokumenty cenzurnyh komitetov pervoj chetverti XIX v.: formy, komplektaciya i organizaciya hraneniya. Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. A.V. Gladysheva. Saratov: Sarat. gos. un-t, 2015. Vyp. 11. S.224 – 243.
24. Galiullina R.H. Povорот v cenzurnoj politike Rossii - tajny arhivnyh dokumentov («Nastavlenie censuram» general-prokurora A.A. Beketova, 31 marta 1801 goda) // Problemy nacional'noj bezopasnosti: voprosy teorii i praktiki. Pyatye juridicheskie chteniya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii 3 iyunya 2017 goda. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2017. S. 50 – 54.

Информация об авторе:

Галиуллина Руфия Хазибовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, rufyagal@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Galiullina Rufya Hazibovna, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines at the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, rufyagal@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 18.01.2022.

Статья принята к публикации: 15.03.2022

Статья опубликована онлайн: 28.03.2022

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.